

датировки сигиллографического материала. Трудности, однако, проявляются уже в том, что принципы классификации издателей не являются взаимоисключающими: так, на «иконографических» печатях встречаются монограммы обоих подтипов — крестообразные и образующие блок, и, следовательно, возникает потребность в выделении переходного типа, отличающегося признаками 2-го и 5-го типов. Далее, печати с изображением орла — по самому определению не самостоятельный тип, а подтип иконографических моливдовулов.

Формально-стилистическая классификация связывается с хронологическим принципом, но не последовательно. Только печати первого типа располагаются в строгой хронологической последовательности, и это, кстати сказать, позволяет лучше представить изменение формулы таможенных моливдовулов: около 730 г. личная формула: «Такой-то (имя и титул) коммерциарий такого-то «склада» (ἀποθήκη)» — заменяется безличной: «(Печать) царских коммерциев такой-то местности» (с. 135 и сл.). Иконографические печати разделены на три периода: доиконоборческий, иконоборческий и послеиконоборческий, а внутри периодов — на группы по характеру изображений. Во всех остальных случаях печати располагаются в алфавитной последовательности имен их владельцев, т. е. без какой-либо попытки периодизации или классификации. Алфавитная последовательность годна лишь для ориентации и дается в индексе. Если бы и здесь расположить материал в ориентировочно-хронологической (по большим периодам) последовательности, можно было бы заметить некоторые особенности развития моливдовулов. Так, можно было бы видеть, что изделия 6-го типа крайне редки во второй половине IX в. (только два — № 1412 и 1521), тогда как среди печатей 7-го типа я насчитал 102 памятника второй половины IX в. и 21 — конца IX—начала X в. Не вправе ли мы предполагать, что печати с простыми инвокативными монограммами уступают в IX в. место более сложному виду печатей с надписью, размещенной на полях вокруг креста?

Присматриваясь к классификации Закоса и Веглери, мы замечаем, что рубеж IX—X вв. выбран в качестве грани, завершающей первый том, довольно случайно. В самом деле, печати 1-го типа перестали изготовлять вскоре после 832 г. (№ 285 — последний среди них); в истории иконографических печатей иконоборчество явилось существенным поворотным моментом, во всяком случае, печати с изображением орла не возродились после иконоборчества (с. 489), и, по-видимому, то же самое относится к печатям с изображением Христа; моливдовулы 6-го типа практически исчезают к середине IX в. Моливдовулы с билатеральными надписями издатели доводят в этом томе тоже только до 850 г. (с. 549). Короче говоря, собранный в книге материал показывает, что середина IX в. была бы более естественной гранью, нежели избранный издателями рубеж IX и X в.

Ценность публикации Закоса и Веглери неоспорима. Отмечу в заключение, что она содержит и печати, непосредственно относящиеся к истории нашей родины, в том числе печати должностных лиц Херсона: архонтов (№ 1973, 2345, 3106, 3113), экусиаста (№ 2526), стратига (№ 2325 А). Удобные индексы облегчают использование этой важной книги.

А. К.

Nicetas Magistros. *Lettres d'un exilé (928—946). Introduction, édition, traduction et notes par L. G. Westerink.* Paris, 1973, 154 p.

О писателе по имени Никита Магистр К. Крумбахер мог сообщить лишь весьма скудные сведения: он знал только, что сочинения Никиты сохранились в рукописи Бодлеянской библиотеки (Bodl. Miscell. 242, XVI в.) — в сборнике писем «последних времен империи»¹. Теперь Л. Вестеринк, издатель сочинений Арефы², опубликовал наследие Никиты, используя шесть рукописей, в том числе Vindob. phil. gr. 342,

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur.* München, 1897, S. 497. Впрочем, к этому времени уже существовало издание А. Май (*Mai A. Nova Patrum Bibliotheca*, VI, 2. Romae, 1853), опубликовавшего несколько писем Никиты по Ватиканской рукописи.

² См.: ВВ, 35, 1973, с. 275—276.